

Г.Д. Гловели

Д.И. Менделеев и евразийство**Д.И. Менделеев: «срединная роль» России***

Зимой 2009 г. Россия отмечает 175 лет со дня рождения одного из своих самых могучих и многогранных умов — Дмитрия Ивановича Менделеева. Впечатляет сделанное им на «трех службах» отечеству — научной, преподавательской и экспертно-промышленной деятельности. Теоретик, вписавший свое имя в число величайших гениев естествознания открытием Периодического закона химических элементов. Прославленный лектор и автор классического учебника «Основы химии», написанного с целью «завлечь в изучение химии сколь возможно больше русских сил». Образцовый сельский хозяин, в подмосковное имение которого Боблово водили студентов на практику профессора Петровской академии. Искушенный технолог, превратившийся на десятки лет в универсального промышленного эксперта национального масштаба — советника (и оппонента!) и правительства, и виднейших частных предпринимателей. Просветитель, редактор химико-технологического и фабрично-заводского отделов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и автор научно-публицистических очерков на злобу дня, радеющий о подъем национальных производительных сил России, прогрессивных структурных сдвигах в ее хозяйстве.

Подводный хребет Менделеева в Северном Ледовитом океане напоминает о разработке уже немолодым ученым планов морского похода через арктические полярные льды. Трудно сказать, знал ли Менделеев, что когда-то в его родном Тобольске ссыльный панславист Юрий Крижанич в «Политичных думах» умозрительно рассуждал о преимуществах, которые бы дали России торговый путь по «Студеному морю» («отсылать свои ладьи» в Индию и Китай из Мангазеи) и покорение «Перекопской державы» (Крыма) [1, 51, 54]. Но сам Менделеев уже подходил и к ледокольной навигации через Арктику, и к улучшению условий морского судоходства у Крыма¹ как к реальным инженерным проектам [2, 100, 115]. Город Менделеевск (бывший Бондюжск) в Татарстане своим названием напоминает о вкладе великого ученого в образцовую постановку дела на Бондюжском химическом заводе, где нашло применение разнообразное отечественное сырье — уральский колчедан, приволжские железняки и соль, каспийская нефть, донецкий каменный уголь. Основал завод «выдающийся пионер русской химической промышленности» [3, 132] П.К.Ушков; консультировавший его Менделеев гордился

---

* К 175-летию Д.И. Менделеева.

¹ «Проект поднятия уровня Азовского моря запрудой Керченского пролива» (1899) был разработан под руководством отца сыном Д.И.Менделеева Владимиром [1; 115].

широким почином Ушкова как примером русской заводской деятельности на уровне мировых стандартов.

Капитальный труд «Толковый тариф, или Исследования о промышленности России в связи с общим ее таможенным тарифом 1891 г.», «Заветные мысли» (1903—1905) и трактат «К познанию России» (1905—1907) обеспечили Менделееву и почетное место в истории русской экономической мысли [4, 12], подтвержденное и недавней фундаментальной антологией «Мировая экономическая мысль сквозь призму веков».

В этой же антологии мы находим и имена не столь известные — идеологов евразийства П.Н. Савицкого и Н.Н. Алексева. Доктрина евразийства, будучи обоснованием геополитического подхода к русской истории, включает в себя и важные, но до сих пор недостаточно продуманные экономические аспекты. Подхваченная евразийством у выдающегося славяноведа В.И. Ламанского (1833—1914) формула «срединного мира» выдвигалась и Менделеевым, писавшим: «вся наша история представляет пример сочетания понятий азиатских с западноевропейскими»; «страна-то наша ведь особая, стоящая между молотом Европы и наковальней Азии, долженствующая так или иначе их помирить» [5, 281] Смысл «срединной роли» России Менделеев видел в отыскании «срединности» между такими началами, как общее благо и личная выгода, буддийское стремление к внутреннему благополучию и напор «латиносаксонской» цивилизации к обладанию собственностью.

Правда, ни у Д.И. Менделеева, ни у В.И. Ламанского, ни у развившего взгляды обоих ученых в глубокую экономико-геополитическую концепцию В.П. Семенова-Тян-Шанского (1870—1942) нет того призыва к континентальному «самодовлению», которым пронизана полемическая концепция евразийцев. Панславист Ламанский считал, что в пределах громадного российского государства «господствует материк над берегом», охранительный консервативный характер обитателей над «жадным к новому, подвижным духом прибрежных жителей», и верил, что недостающую России подвижность может дать объединение с восточной, закарпатской, задунайской и балканской Европой в мир «греко-славянский» [6, 3]. Менделеев направление всей сознательной истории Российского государства к укреплению на берегах морей выводил из закономерного стремления туда, где «сильнее и величавее всего» выражены международные сношения, обеспечивающие наполнение рынков. Однако державы атлантических морей настроены к России недружелюбно и заинтересованы только в ее хлебах и продуктах леса и нефти, «лишь бы мы сами жили впроголодь, освещались скудно и горели ежегодно на все барыши нашей внешней торговли». Поэтому, несмотря на неудачу России в японской войне, Менделеев не считал возможным снимать с повестки дня утверждение на берегах Тихого океана и

наращивание дальневосточного кораблестроения, рекомендуя «уразуметь Китай» и войти с ним в прочный союз.

Идеологи евразийства, обосновывая принцип «континентальных соседств» в программе смешанной экономики России, сочли нецелесообразным дополнение российского «континента-океана» побережьями греко-южнославянскими на западе или желтоморскими на востоке. Хотя не отрицали ни геополитического значения русского контроля над Черным морем², ни экономической пользы от выхода к Персидскому заливу (наиболее дешевый и удобный способ ввоза во внутреннюю Россию тропических продуктов)³ [7, 418]. Евразийцы придавали исключительное значение наследию Менделеева в обосновании поисков новых источников народного благосостояния на ресурсоносных окраинах «срединного мира» России-Евразии. Главный идеолог движения евразийцев П.Н. Савицкий ссылаясь на вывод председателя Комиссии по естественным производительным силам России В.И. Вернадского, что «в пределах сплошного куска земной коры, составляющего около 1/6 всей суши земного шара» вероятно присутствие всех элементов таблицы Менделеева в концентрациях, необходимых для перевода в промышленную энергию. А свой трактат «Месторазвитие русской промышленности» Савицкий завершил «картиной-системой» русских естественных промышленных богатств, рассматривая ее как продолжение «познания России» Менделеевым [9, 14]. Сын В.И. Вернадского и ближайший соратник П.Н. Савицкого, автор «Истории Евразии» Г.В. Вернадский, подчеркивал преемственность идей Д.И. Менделеева, В.И. Вернадского, инженера В.И. Гриневецкого (автора утилизованного Госпланом крупномасштабного плана реконструкции российского народного хозяйства посредством сдвига русской промышленности ближе к источникам сырья) и евразийцев в обосновании сдвига российских производительных сил к востоку [10, 286—287].

Сопоставление взглядов Менделеева и евразийцев представляет двоякий интерес: оно обнаруживает истоки доктрины евразийства в российских политэкономических дискуссиях и показывает геополитические аспекты «национальной экономии», ярким представителем которой был Д.И. Менделеев, полушутя-полусерьезно говоривший: «Какой я химик, — политэконом; что там “Основы”, вот “Толковый тариф” — другое

² Как отмечал Н.Я. Данилевский, контроль над Черным морем дал бы России «сокращение в одну точку 2500 верст пограничной линии и соединенную с этим экономии военных и финансовых сил», обеспечив защиту от ударов держав, обладающих превосходством в морских средствах [7, 382].

³ Еще в 1874 г. знаменитый Ф. Лессепс договорился с российскими властями о сооружении железнодорожной линии Оренбург — Пешавар (ныне в Пакистане); англичане стали противодействовать проекту, а в 1876 г. Лессепс переключил свое внимание на Панамский канал. Однако в 1900 г. Англия была занята войной на юге Африке с бурами, и этим рекомендовал воспользоваться инженер П.А. Риттих, книга которого «Железнодорожный путь через Персию» обратила на себя внимание официальных кругов в России и за границей. В 1901 г. С.Ю. Витте высказал идею железнодорожной линии из России через Кушку и Афганистан (Герат).

дело» [11; с. 14].

Дискуссия о национальных производительных силах России в контексте геополитических моделей

Петр Николаевич Савицкий (1895—1968), окончивший незадолго до Октябрьского переворота Петербургский политехнический институт по специальности «экономическая география», начал свою общественную деятельность как сотрудник знаменитого П.Б. Струве — сначала секретарь редакции журнала «Русская мысль» (1916—1917), затем — секретарь министра иностранных дел антибольшевистских Вооруженных сил Юга России. Струве, эволюционировавший от «легального марксизма» с призывом «признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму», к постановке «экономической проблемы Великой России» с призывом учиться у великобританского империализма [12, 53], весьма высоко оценивал «замечательное учение Ф. Листа о конфедерации национальных производительных сил», которое пропагандировал и в своей нашумевшей книге «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России», и в написанной тогда же (1894) для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона статье «Земледельческое государство». Предпринятая Струве атака на русское народничество совпала «с апогеем того чрезвычайно умного и мощного русского протекционизма, апостолом которого явился великий русский химик Менделеев, автор не только “периодической системы”, но и русского таможенного тарифа 1891 года, к которому он написал комментарий и апологию под заглавием “Толковый тариф”. Витте, тогда еще молодой человек, увлекался теми же идеями и начал проводить их в жизнь. И Менделеев, и Витте были поклонниками и последователями Фридриха Листа» [13, 216—217]. Сам Струве прямое одобрение протекционизма Менделеева и Витте вычеркнул из текста своей книги лишь под давлением своего тогдашнего друга А.Н. Потресова. Но, оспаривая аргументацию народников об отсутствии рынков для российского капитализма, ссылался на обоснование Менделеевым перспектив широкого сбыта южнорусского каменного угля — на Балканы, в Переднюю Азию и т. д. [14, 256].

В трактате Ф. Листа «Национальная система политической экономии», впервые переведенном на русский язык как раз в год принятия «менделеевского» тарифа (1891), и в «Конспекте лекций о государственном и народном хозяйстве» С. Витте (1912) была четко сформулирована мысль об обусловленности многих особенностей хозяйственного быта страны ее приморским или континентальным положением. Причем Витте, считая вслед за Листом железнодорожное строительство первостепенным орудием превращения государства из земледельческого в аграрно-индустриальное, подчеркивал особое значение железных дорог именно в России — с ее неблагоприятным положением относительно

морских путей сообщения и территориальной рассредоточенностью месторождений каменного угля и исторических центров металлургии [15, 70, 74—75].

П. Савицкий, включившись совсем еще юным в дебаты по проблеме национальных производительных сил в имперской России, свой первый очерк посвятил наследию Ф. Листа [16], а второй [17] — полемике с именитым М.И. Туган-Барановским, выступившим в статье «Развитие производительных сил России» против «расхожего мнения о необычайных размерах естественных богатств России». Туган-Барановский указывал, что «мы очень бедны, сравнительно с Западом, столь необходимым материалом современной промышленности, как каменный уголь» и потому неосуществимо «стремление превратить Россию в страну с преобладающим значением промышленности» — как в Англии и Германии.

Начав с возражений Туган-Барановскому — критики за фактическое отождествление России только с европейской ее частью — Савицкий пришел к обобщенной формулировке *дилеммы коренного ядра великороссийских областей*. Отсутствие в этих областях (ограниченных верхней Волгой с севера, средней Волгой с востока, степями Слободской Украины с юга и Днепром с запада) ресурсов для промышленного развития могло быть восполнено только культурно-хозяйственным расширением России в двух направлениях — с одной стороны, на север и запад, с другой — на юг и восток. В смысле политического расширения Российская империя в XVIII — XIX вв. пошла и по тому и по другому направлениям, но в отношении культурно-промышленном тяготела к северо-западу: «стремление дышать воздухом Европы, который в то же время есть и воздух моря, потребность приблизиться к ее центрам, чтобы завязать и сохранить с нею связи» [17, 67]. В результате русская культура мирового значения была создана в районах, «лишенных богатства земных недр и напряженной силы солнца», а природные ресурсы крупномасштабного промышленного значения сосредоточены в окраинных, культурно отсталых, если не пустынных районах Юга и Востока расширявшейся империи — Донбасс, Кавказ, Прикаспий, Урал, Сибирь, Туркестан. Для Российской империи оказалось невозможным уподобление хозяйственному облику западных колониальных держав, в которых промышленное развитие было сосредоточено в метрополии.

Соглашаясь с тем, что на угле, отстоящем за тысячу верст, не создашь мощной промышленности, Савицкий считал естественным, что в Московском и Петроградском районах могут существовать только те отрасли, для которых квалифицированный труд и общая промышленная обстановка важнее, чем рудные и угольные запасы. Но это не значит, что создание мощной промышленности невозможно *вне* исторически коренных

областей России. В соответствии с прогнозами Д.И. Менделеева «еще сорок лет назад пустынные и целинные» украинские степи превратились в основной промышленный регион страны на базе донецкого угля и криворожского железа. И как «основное требование русской промышленной программы» Савицкий выдвигал необходимость направить промышленную энергию страны на использование минеральных ресурсов южных и восточных окраинных областей от Керченского полуострова до Алтая.

В штабе белогвардейского правительства в Крыму судьба столкнула Савицкого с представителем Антанты профессором Лондонской школы экономики Х. Маккиндером (1863—1947) — автором первой глобальной концепции в западной геополитике. Ключевая геополитическая конструкция «Осевого региона» была смоделирована Маккиндером в 1904 г. как прямое отражение соперничества в Азии Британской и Российской империй и продолжение традиционной для английской колониальной идеологии XIX в. (от «хромого дервиша» Вамбери до лорда Керзона) версии «русской угрозы» Индии. «Осево́й регион» — материковый массив центральной Евразии, не имеющий рек, выходящих в открытые теплые моря, но пригодный для кочевий на лошадях и верблюдах. Согласно Маккиндеру, европейская цивилизация во многом является результатом вековой борьбы с рейдами номадов-туранцев (гуннов, аваров, болгар, мадьяр, хазар, печенегов, куманов, монголов, калмыков), проникавших вплоть до венгерской «пушты» (степного района, окаймленного Дунаем, Альпами и Карпатами) из глубин «Осевого региона» через степной «створ» между Уральскими хребтом и Каспием.

Океаническая экспансия народов Запада после преодоления мыса Доброй Надежды позволила нейтрализовать стратегические преимущества центрального положения, занимаемого степняками, — надавить на них с тыла. Европа, зажата в Средние века между песками Сахары на юге, неизведанным океаном на западе, льдами и лесами на севере и северо-востоке и угрозой нападений кочевников с юго-востока, — поднялась над миром, дотянувшись до 38 морей и распространив свое влияние вокруг евроазиатских континентальных держав, которые до сих пор угрожали самому ее существованию. Причем Великобритания с ее доминионами (Канада, Южная Африка, Австралия), США и Япония составили своеобразное кольцо, состоящее из островных баз, предназначенных для торговли, и морских сил, недостижимых для сухопутных держав Евразии. Однако, пока морские народы Западной Европы покрывали океан своими кораблями Россия, выйдя из своих северных лесов, взяла под контроль степь, выставив собственных кочевников (казаков) против кочевников-татар, и соорудив Транссибирскую магистраль, охватила «Осево́й регион», заместив Монгольскую державу. С покрытием «Осевого региона» сетью железных дорог, прогнозировал Маккиндер, в Евразии разовьется свой,

пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недостижимый для океанской торговли; но это будет означать «нарушение баланса политического могущества в пользу осевого государства» [18].

В 1915 г., когда в России появилась своя глобальная экономико-геополитическая концепция (В.П. Семенова-Тян-Шанского), не привлекая, однако, широкого внимания, и развернулась деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил, соотечественник Маккиндера Дж. Феагрив в книге «География и мировое господство» определил осевой регион как «Хатленд» (Heartland) — «сердцевинный край». Если Маккиндер делал акцент на овладении западными европейцами океаном, то Феагрив связывал их превосходство с топливно-энергетическими преимуществами [19]. Главным аспектом промышленной революции было резкое увеличение наличной энергии благодаря утилизации силы, заключенной в угле, запасы которого протянулись «великим поясом» с северо-запада Европы к ее центру и были обнаружены в сходных пластах по другую сторону Северной Атлантики, обеспечив создание центра мировой промышленности и средоточия международной власти. Но особое положение занимает Германия: с одной стороны, соприкосновение с морем и прельщение океаном, с другой — положение на западных густонаселенных границах Хатленда.

Заимствовав у Феагрива понятие «Хатленд», Маккиндер видоизменил свою концепцию с учетом новой расстановки сил на мировой арене. Полагая, что никакая социальная революция не изменит отношения России к великим географическим границам ее существования и, исходя из интересов Британской империи, стремившейся блокировать прорыв России к теплым морям, Маккиндер более всего опасался экономического союза послереволюционной России с потерпевшей поражение в мировой войне Германией, которую теперь рассматривал как западную окраину Хатленда [20].

Конструкция «Хатленда» оказала влияние на П.Н. Савицкого, порвавшего в эмиграции со своим шефом Струве и присоединившегося к движению евразийцев, а затем ставшего фактически его главным идеологом. Но в центре внимания Савицкого был не поиск формулы мирового господства, а обоснование новой интегрирующей идеи российской государственности в противовес петербургско-имперской вестернизации, завершившейся крушением 1917 г.

Отстаивая вместе с другими евразийцами расширение русской истории до рамок истории Евразии как особого географического мира, Савицкий придавал не меньшее значение естественнонаучным аргументам, чем историко-гуманитарным. От метафор «срединный мир старого материка», «средиземное море континентальных пространств», «прямоугольник степей» он пришел к емкой категории «евразийское месторазвитие»,

воспринятой не только его соратниками, но и критиком евразийцев П.Н. Милюковым (при переработке фундаментальных «Очерков истории русской культуры»). Понятие «евразийское месторазвитие» у Савицкого подразумевает систематизацию не только знаний о динамике политических и социокультурных тенденций в пределах означенного пространства, но и о месторождениях полезных ископаемых, местоформовании почв, местопроизрастании растительных и местообитании животных сообществ [7, 282]. Среди главных экономически значимых особенностей «евразийского месторазвития»:

- 1) неевропейскость российской степи в аграрном смысле — столь благоприятная в иных своих частях для пшеницы, она чрезмерно суха для возделывания корнеплодов и кормовых трав — основы плодосменных севооборотов, позволивших интенсифицировать земледелие на Западе;
- 2) «флагоподобное» расположение в нем основных почвенно-ботанических и климатологических зон;
- 3) географическая обездоленность России в транспортном отношении: отдаленность от открытых морей и свободного океана, чреватая опасностью стать задворками мирового хозяйства при включении территории в международный океанический товарообмен.

Россия лишена удобств океанических сообщений, соединяющих, например, Англию с Канадой как страной пшеницы, Австралией как страной шерсти, Индией как областью хлопка и риса; климатическая гамма менее благоприятна, чем в Западной Европе, Северной Америке или Китае. Но богатство и разнообразие взаимодополняемых районов велики и могут быть экономически реализованы через приоритет «внутриконтинентальных притяжений».

В общей постановке вопроса о производительных силах «евразийского месторазвития» Савицкий указывал на целесообразность континентального сопряжения русских промышленных областей (Московской, Донецкой, Уральской) с русскими черноземными губерниями (пшеница), русскими скотоводческими степями (шерсть) и «русскими субтропиками» (Закавказье, Персия, Туркестан) [7, 417]. В книге «Месторазвитие русской промышленности» он вернулся к своей ранней концепции русской промышленной программы, но уже на новом уровне. Сквозь призму евразийской историософии «исхода к востоку» были рассмотрены результаты предреволюционных и советских экспедиционных исследований к началу 1930-х гг. Обобщая данные «экономической геологии» России-СССР, Савицкий обнаружил наибольшую «полноту естественнопромышленного одарения» в *алтайско-енисейско-байкальской* полосе, исключительно богатой полезными ископаемыми и водной энергией. Отсюда он поспешил заключить, что «нет области россияведения, которая свидетельствовала бы с

такой яркостью и полнотой о правде и необходимости евразийских установок, как именно картина распределения естественно-промышленных ресурсов» [11, 100]. Истоки особого евразийского историко-географического мира Савицкий возводил к «конно-железной кочевой культуре», возникшей в отдаленных друг от друга областях Евразии: в западноевразийских (приднепровских, приазовских и причерноморских) степях и затем на Алтае [7, 342]; не всегда известные даже по имени «чудские» народы Алтая, Урала и Киргизской степи были многовековыми поставщиками металла для кочевых империй [21, 290]. А непрерывность ресурсоносных площадей от Алтая до Забайкалья предрасполагает к приближению центра русской промышленности к «монгольскому ядру континента» Евразии [11, 105]. Савицкому вторил Г.В. Вернадский, отмечавший, что с созданием за время первой советской пятилетки урало-алтайской каменноугольно-металлургической базы русская промышленность становится «подлинно евразийской» [22, 10].

Во второй половине XX в. геология внесла существенные коррективы в картину «естественно-промышленного одарения» площадей на пространстве Евразии. Хотя Савицкий считал весьма вероятным открытие на территории СССР новых значительных месторождений нефти [11, 63], он не предполагал, что богатейшие углеводородные ресурсы будут найдены в казавшейся «стерильной» Западной Сибири. Таким образом, вывод о смещении центра русской промышленности к «монгольскому ядру континента» оказался доктринальным преувеличением. Но зато правильным оказался другой вывод Савицкого: о замещении нефтью каменного угля в качестве основного энергоносителя, что давало России шанс преодолеть промышленное отставание от Запада, столь разительное в XIX в. К сожалению, этот шанс не был использован.

Месторазвитие русской промышленности и вековая технико-экономическая конъюнктура

В экономической истории России есть один парадокс, породивший курьезную путаницу в современных вузовских учебниках, где можно в разделе «Начало разложения (!) крепостнического хозяйства» прочитать о *первом* месте России в мире по выплавке железа к концу XVIII столетия, а через несколько страниц встретить бодрое утверждение об «ускорении» темпов развития черной металлургии в конце XIX в. и выходе страны на... четвертое место в мире в этой ключевой отрасли [23, 385, 405].

Еще более впечатляющим является вековой «тренд» снижения «индустриального тонуса» российской экономической мысли. Академик М.В. Ломоносов, современник первого русского взятия Берлина, в «Слове похвальном Петру Великому» велеречиво молвил про разящее неприятеля «оружие, приуготованное из гор Российских», и про отверстые недра, из коих «проливаются металлы, и не токмо внутрь отечества обильно

распространяются, но и... заемные внешним народам отдаются» [24, 55]. А столетие спустя автор курса «Науки о народном богатстве» камер-юнкер А.И. Бутовский уже довольно скромно заметил, что в «огромном производстве железа половина принадлежит Англии, одна седьмая — Франции, одна тринадцатая — России»; и вообще промышленные успехи отнюдь не обязательны для высокой степени просвещения, а «золотое дно» России — простирающийся по ней широкой полосой чернозем [25, 90]. .

Действительно, во времена Ломоносова объем только экспортируемого российского чугуна превосходил величиной все английское железодельное производство. В советской историографии промышленные достижения середины XVIII в. объяснялись дешевизной крепостного труда [26, 758], и влияние того же фактора считалось определяющим для позднейшего времени, когда незаинтересованность в трудосберегающих нововведениях обусловила технический застой. Основатель мир-системного анализа И. Валлерстайн говорит об ухудшении экономических условий обмена с Западом и «сползании в периферию» России между правлениями Екатерины II и Николая I [27, 36].

В 1910 г. Е.В. Тарле в полемичной статье «Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?» дал отрицательный ответ на вынесенный в заглавие вопрос. Указывая на бесспорный факт одного из важнейших феноменов всемирной истории — экстенсивной мощи русской империи в конце XVIII столетия, Тарле признал неизбежным наличие экономического фундамента этой мощи; приводил данные о торговом обороте между Россией и Францией (активное сальдо в пользу России), о масштабе русских промышленных предприятий (явно превосходившем французские), свидетельства о высоком качестве тульских стальных изделий и т. д. Отвергая «стереотипную фразу о натуральном хозяйстве и экономической зависимости и отсталости России», Тарле объяснял ее ретроспективным перенесением на XVIII в. ситуации XIX в., когда страна не поспела за ускорившимся темпом экономического развития сначала в Англии, потом отчасти во Франции и т. д. [28, 27].

Почему же из мирового лидера в металлургии в XVIII в. Российская империя скатилась на позиции аутсайдера индустриализации в XIX в.? П.Н. Савицкий объяснил этот феномен на основе категории «вековой технико-экономической конъюнктуры», введенной в книге «Месторазвитие русской промышленности» [11; с. 100].

Тон вековой технико-экономической конъюнктуры задают перевороты в универсальных факторах промышленной жизни, т. е. в обеспеченности ресурсами, имеющими отношение более или менее ко всем отраслям промышленности —

источниками двигательной энергии и материалами для изготовления основных средств производства.

Московское царство, с начала своего самодержавия обращавшееся к соседям с просьбами прислать «рудознатцев», не могло развить промышленность цветных металлов, которая была бы достойна страны. Отвечающую потребностям времени полноту рудных ресурсов Россия находит только в начале XVIII в. на Уральской окраине — и становится Империей. Мировое значение уральская металлургия приобрела благодаря богатству универсальным для того времени топливом — древесным углем. Англия, испытывавшая недостаток лесов, ввозила качественное железо из России.

Однако промышленный переворот с изобретением паровой машины и способа выплавки ковкого железа на коксе обеспечил Англии выгоднейшее использование ее каменноугольных и близлежащих железорудных ресурсов, и расцвет промышленной традиции на основе превращения каменного угля в универсальное топливо. Тогда как промышленной традиции России, сосредоточенной в Москве и на Урале — лишенных запасов ископаемого горючего — переход мировой техники на минеральное топливо нанес сокрушительный удар.

Лишь к концу XIX в. ситуация стала меняться к лучшему, когда развернулось освоение минерального топлива на территориях, присоединенных в период имперской экспансии XVIII — начала XIX в. Близость Донецкого угольного бассейна к криворожским железным рудам позволила «подтянуть» российскую черную металлургию, а «великое богатство окрестностей Баку нефтью» (Д.И. Менделеев) — одно время даже лидировать в мировой добыче нового энергоносителя, который стал замещать уголь в качестве универсального фактора эпохи. Позиции России относительно промышленности Запада в условиях новой вековой технико-экономической конъюнктуры значительно улучшилась.

Д.И. Менделеев, которого нефтяным делом увлек неугомонный миллионер Василий Кокорев, писал, что «никакая другая наша промышленность не представляет столь ясной будущности для нашего вывоза, как нефтяная» [2, 517]. «Пробив» отмену сдерживавшей рост Бакинских нефтяных промыслов откупной системы, Менделеев настаивал на гораздо большей целесообразности экспорта нефти и нефтепродуктов вместо истощающего чернозем наращивания производства на экспорт зерновых хлебов. Для рационализации структуры собственно нефтяного экспорта вместе с инженером-волжанином Виктором Рагозиным за рачительную переработку на отечественных заводах каспийской нефти в более дорогие «олеонафты» (смазочные масла), чтобы не ограничиваться вывозом «фотогена» (керосина) и не сжигать задешево мазут под топками.

Однако для большинства инженеров-энергетиков, экономистов и тех, кто стоял у руля государства в царской, а затем и Советской России, нефть как промышленный фактор эпохи была заслонена каменным углем. Заслонена настолько, что ученик Менделеева профессор Б.П. Вейнберг, физик широкого диапазона, директор Института изучения Сибири, назвал нефть «карликовым и недолговечным придатком каменного угля» [29, 23]. Ведущий теплотехник Л.К. Рамзин утверждал, что нефть является топливом преходящего значения, топливом настоящего времени и ни в каком случае не может рассматриваться базой мирового энергетического хозяйства, основой коего бесспорно является каменный уголь» [30, 10]. Сказались и равнение на индустриальный эталон Германии, стремительно развивавшейся при обилии каменного угля, но лишенной нефтяных ресурсов; и большой политический вес угольной отрасли, считавшейся опорой индустриального рабочего класса (а ранее направляемой интересами французских финансовых воротил) [31, 31—32, 55].

Недооценка перспектив нефти как универсального промышленного фактора эпохи предопределила оказавшиеся геоэкономически ошибочными стратегические ориентиры [32, 386, 390], причем ситуация не была исправлена и в благоприятных условиях после «нефтяных шоков» 1970-х гг., когда мировые экономические лидеры, столкнувшись с энергетическим кризисом, сумели найти выход в переходе на ресурсосберегающие технологии. В то же время руководители советского планового хозяйства оказались неспособными использовать нефtedоллары для модернизации отечественной экономики. Но не в состоянии сделать это оказалась и «новая русская» олигархия в течение благоприятной конъюнктуры мирового рынка нефти в 2002—2007 гг.

Как известно, структурные кризисы 1970-х гг. стимулировали возобновление интереса к гипотезе больших циклов конъюнктуры Н.Д. Кондратьева. Появившиеся длинноволновые модели базисных нововведений в производстве и потреблении энергоресурсов во взаимосвязи с транспортной инфраструктурой, производством орудий труда и обрабатывающей промышленностью [33, 129—135] основаны на той же последовательности смены основных энергоносителей (древесный уголь, каменный уголь, нефть), которую пронизательно подметил евразиец П.Н. Савицкий. Введенная им категория *вековой* технико-экономической конъюнктуры позволяет сформулировать несколько принципиальных вопросов. Каково соотношение игры рыночных сил и промышленной политики в определении новых «прорывных» направлений в энергосекторе — будет ли ключевая роль принадлежать газу, как предполагают одни модели (Н. Накиценович и А. Грублер, С.Ю. Глазьев), или водородной и гелиоэнергетике (Б.Н. Кузык и Ю.В. Яковец)? В какой степени новые ведущие энергоносители могут

рассматриваться как универсальные промышленные факторы эпохи — ведь нефть играет такую роль не только как энергоноситель, но и как главное сырье для органической химии? Не является ли способность *воздействовать* на вековую технико-экономическую конъюнктуру и использовать ее для опережающего развития критерием статуса страны как великой *экономической державы*?

От ответов на эти вопросы зависит будущее России, ее место в мировой экономической и геополитической динамике. Направление поиска, очевидно, будет близко формуле евразийцев о соразмерности друг другу государственном и частном предпринимательстве, подразумевающей «мерило социальной добротности» [21, 307]. Или, говоря словами Д.И. Менделеева — сочетание «высшего государственного почина» с «живой струной личной инициативы».

Литература

1. Крижанич Ю. Политика. М., 1997.
2. Менделеев Д.И. Проблемы социально-экономического развития России. М., 1960.
3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П., 69. Спб., 1902.
4. Гловели Г.Д. Лист, Витте и «национальная экономия» в России // Ф.Лист. Национальная система политической экономии. Граф С.Ю. Витте. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. Д.И. Менделеев Толковый тариф, или исследование в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. М., 2005.
5. Общественная мысль России. XVIII- начало XX века: Энциклопедия. М. –РОССПЭН. — 2005.
6. Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. Спб., 1892.
7. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
9. Вернадский Г.В. П.Н. Милюков и месторазвитие русского народа // Новый журнал. N. Y., 1964. № 77.
10. Савицкий П.Н. Месторазвитие русской промышленности. Берлин, 1932.
11. Вейнберг Б.П. Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче как лекторе. Томск, 1910.
12. Струве П.Б. Patriotica. М., 1997.
13. Струве П.Б. Мои встречи и столкновения с Лениным // Новый мир. 1991. № 4..
14. Струве П.Б. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России. Спб., 1894.
15. Витте С.Ю. Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве. М., 1997.
16. Савицкий П.Н. Бои за империю // Русская мысль. 1916. № 3.
17. Савицкий П.Н. Проблема промышленности в имперской России // Русская мысль. 1916. № 11.
18. Mackinder H. The Geographical Pivot of History (1904) // The Structure of Political Geography. L., 1970.
19. Fairegrieve J. Geography and World Power. L., 1915.
20. Mackinder H. Democratic Ideals and Reality. L., 1919.

21. *Савицкий П.Н.* К вопросу о государственном и частном начале промышленности // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927.
22. *Вернадский Г.В.* Опыт истории Евразии. М., 2005.
23. История мировой экономики / Под ред. Б.Г. Поляка, А.Н Марковой М., 1999.
24. *Ломоносов М.В.* Слово похвальное Петру Великому // Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2001.
25. *Бутовский А.И.* Опыта о народном богатстве, или О началах политической экономии. Т. 1. СПб., 1847.
26. *Любомиров П.Г.* Крепостная Россия XVII-XVIII вв. // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 36. Ч. III. М., 1938.
27. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500—2100 // Свободная мысль. 1996. № 5.
28. *Тарле Е.В.* Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной // Русская мысль. — 1910. — № 5.
29. *Вейнберг Б.П.* Предпосылки к использованию солнечной энергии в СССР // Плановое хозяйство. — 1927. — № 6.
30. *Рамзин Л.К.* Энергетические ресурсы СССР. М., 1925.
31. *Иголкин А.А.* Советская нефтяная промышленность в 1921—1928 гг. М., 1999.
32. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998.
33. *Глазьев С.Ю., Микерин Г.И.* Научно-теоретический обзор основных современных теоретических концепций длинных волн // Длинные волны: Научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие. Новосибирск, 1991.